

Марина
СЕРОВА

**Преступление
высшей пробы**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Преступление высшей пробы
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64047580
Преступление высшей пробы: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-119647-9*

Аннотация

Частного детектива Татьяну Иванову в этот раз ждет непростое дело – ей предстоит расследовать смерть матери Олега Солодовникова. Интеллигентную старушку Елену Григорьевну обнаружил с пробитой головой в собственной квартире ее внук Саша. Зачем убивать пожилую женщину и кому она могла открыть дверь? Татьяна Иванова собирается искать убийцу в далеком прошлом Солодовниковой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Марина Сергеевна Серова

Преступление высшей пробы

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Серова М. С., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

Часы на прикроватном столике показывали половину десятого утра.

Лежа в постели, я лениво размышляла, чем бы заполнить сегодняшний день. Мое очередное расследование завершилось около двух недель назад, и пока никто не жаждал воспользоваться услугами частного детектива Татьяны Александровны Ивановой.

Стоял конец августа, лучшая часть тарасовского лета. Жара, от которой город изнемогал, начиная с середины июня и до конца первой декады августа, наконец-таки выпустила Тарасов из своих душных объятий. Стояла мягкая теплая погода, купальный сезон еще не закончился, а звездные ночи располагали к романтическим прогулкам и не только...

Кстати, о планах на ближайшую перспективу. Моя подруга Ленка-француженка, как я зову ее за глаза, учительница французского языка в средней школе, отправила своих ребятшек к бабушке за город, чтобы те последнюю неделю перед школой вдоволь наигрались на свежем воздухе.

Сама же Ленка, видимо одурев от внезапно свалившейся на нее свободы, решила с головой окунуться в пресловутую романтику. Вернее, она уже вовсю крутила роман с обалденным, по ее собственному выражению, мужиком.

Я в ответ на ее восторженные излияния лишь усердно ки-

вала и тактично помалкивала.

Ох, Ленка, Ленка... Хотя бы одно из этих приключений закончилось чем-нибудь путным.

Как правило, очередной пылкий поклонник через месяц-полтора потихоньку сливался, оставив Ленку в мучительных раздумьях над тем, что же она опять «сделала не так».

И все бы ничего, но дело-то в том, что нынешний, уже наверняка самый лучший и надежный из всех мужчин, кажется, его зовут Аркадий, собирался пригласить Ленку на пикник в компании другого не менее обалденного мужика.

При этом Аркадий недвусмысленно дал понять, что Ленке во что бы то ни стало надо разыскать подружку посимпатичнее уже для Валерия. То бишь того самого приятеля.

Естественно, Ленкин выбор пал на меня, на кого же еще.

Что ж, с пунктом, касающимся моей внешности, проблем возникнуть не должно.

Я высокая стройная блондинка двадцати семи лет с зелеными глазами и длинными роскошными (скажу без ложной скромности) волосами. Уж не знаю, каким сверхвыскаательным эстетом должен оказаться этот гипотетический Валерий, если при виде меня состроит разочарованную физиономию. Да быть такого не может!

Вероятно, подобными соображениями руководствовалась и Ленка, каждый раз настойчиво уговаривая меня поддержать компанию. Однако я все еще медлила с ответом. И

ВОТ...

Неожиданно зазвонил мой мобильник.

Наверняка опять Ленка. Придумала, поди, новую замануху, чтобы убедить меня отправиться за город.

Взглянув на экран, я убедилась, что номер мне не знаком. Значит, это не Ленка, если только подруга не вознамерилась внезапно сменить оператора связи. Хотя за ней такого не водится...

– Слушаю, – отозвалась я, недоумевая, кто бы это мог быть, и уповая на то, что это очередной клиент.

– Татьяна? – Знакомый голос заставил меня насторожиться. – Это Олег Солодовников, если ты помнишь такого...

Еще бы мне не помнить!

– Конечно! – жизнерадостно откликнулась я. – Привет, Олежек. Давненько мы с тобой не общались.

– Да, давненько, – эхом отозвался мой собеседник. – Я и подумать не мог, что вновь пообщаться нам придется при таких обстоятельствах...

Я внутренне подобралась, поскольку тон Олега не предвещал ничего хорошего. Похоже, у него что-то случилось, и это что-то Солодовникова, мягко говоря, не обрадовало.

– У тебя неприятности? – осторожно поинтересовалась я.

– Ну если убийство родной матери можно назвать неприятностями, то они самые.

Я подскочила на кровати, сбросив одеяло на пол.

– Твою маму убили?!

В трубке послышался длинный тяжелый вздох.

– Ты ее помнишь? – поинтересовался Олег вместо ответа.

А чего я ждала, что Солодовников скажет: «Ой, извини, просто я обожаю так тупо шутить с утра пораньше».

Хотя утро уже было вовсе не ранним, разве что в моем понимании.

Когда я не веду расследования, то предпочитаю подольше понежиться в кровати, могу вылезти из постели ближе к полудню.

Помню ли я Елену Григорьевну?

Перед глазами возникло милое интеллигентное лицо немолодой женщины, которая порой радушно угощала меня изумительным кофе с ароматным домашним печеньем.

За кофе мы беседовали обо всем и ни о чем, мама Солодовникова отличалась редкостным обаянием и тактом.

Хоть мы и не были особо близки, но с Еленой Григорьевной всегда было приятно общаться. И вот я внезапно узнаю, что ее больше нет...

– Да, конечно, помню, – механически сообщила я неожиданно севшим голосом. – Убийцу нашли?

– Нет, Танюша, ищут. – Солодовников снова вздохнул. – Потому-то я тебе и звоню.

– Что ты хочешь этим сказать? – удивилась я.

– Таня, давай без обиняков. – Теперь Олег говорил спокойно и деловито, словно усилием воли взял себя в руки. – Я не намерен прощать убийц своей матери и поэтому хочу на-

нять тебя в качестве частного детектива, ну или сыщика. Не знаю, как правильно называется твоя должность. Твои расценки мне известны, с этим проблем не будет. Главное – найти, кто это сделал, и как можно быстрее.

– Подожди, – прервала я своего воинственно настроенного потенциального клиента. – С чего ты взял, что убийцу твоей мамы кто-то собирается прощать? Ты что, в полицию не обращался? Этого просто не может быть. Наверняка официальное расследование уже ведется.

– Ну да, да, обращался! – нетерпеливо перебил меня Солодовников. – И следствие, конечно же, ведется. И свидетелей опросили, и обыск в маминой квартире уже был... Но, понимаешь, мне хочется поскорее до него добраться самому, ведь это моя мама! Короче, Тань, берешься мне помочь?

– Да, конечно, – немедленно ответила я, и не только потому, что успела соскучиться по работе, да и против гонораров никогда не возражала.

Убили мою хорошую знакомую, добрейшую старушку, которая в жизни не сделала никому ничего плохого...

– Спасибо, – с чувством отозвался Солодовников и тотчас более деловито продолжил: – Только давай встретимся и все как следует обсудим. А то по телефону как-то несерьезно.

Я полностью разделяла эту точку зрения, поэтому немедленно согласилась:

– Я готова. Где и когда?

– Где-нибудь через час сможешь подъехать в кафе «Пле-

яда»? Знаешь такое? Это на углу Мясницкой и Горной. У меня как раз будет просвет в моей конторе, а то закрутился с утра...

– Да, смогу, – заверила я. – Через час буду.

Солодовников отключился, а я метнулась в кухню, чтобы сварить себе кофе. Без завтрака я еще могу продержаться несколько часов, а вот без чашки крепкого кофе частный детектив Татьяна Иванова совершенно неэффективна.

Пока варился кофе, я успела в быстром темпе принять душ и вернулась в кухню как раз вовремя – ароматный напиток уже поднимался густой шапкой. Между делом я соорудила себе пару бутербродов с сыром.

Подкрепившись и, главное, выпив кофе, я ощутила себя вполне бодрой, причем к бодрости примешивалось ощущение эйфории, всегда сопутствовавшее мне в начале очередного расследования.

Раздумывая, что бы надеть, я между делом настрочила эс-эмэску Ленке, чтобы подруга не рассчитывала на меня в поисках симпатичной подружки для друга обалденного мужика.

О как! Того, что подруга может обидеться, я не опасалась, поскольку у нас была давняя и четкая договоренность – во время расследования на мою компанию не рассчитывать. Ле-на с самого начала отнеслась к этому правилу с удивительным пониманием, и никаких разногласий по этому вопросу у нас ни разу не возникло.

Я извлекла из шкафа тонкие летние джинсы и простую темную футболку. Чтобы немного разбавить образ в стиле унисекс, подобрала светло-бежевые босоножки с тонкими ремешками на высоких каблучках и легкую летнюю сумочку на цепочке. Собрав волосы в высокий хвост и слегка тронув губы светло-алой помадой, я оглядела себя в зеркале и осталась вполне довольна.

Через десять минут я уже садилась за руль, прикидывая, как лучше добраться до Мясницкой, миновав неизбежные в этом сезоне дорожные раскопки.

Добираясь до назначенного места, я вспоминала обстоятельства нашего с Солодовниковым знакомства.

Я в ту пору только начинала осваиваться в прокуратуре, а Олег Солодовников работал там кем-то вроде консультанта, а параллельно заведовал кафедрой в Тарасовской академии права. По моим понятиям, он был очень взрослым дядечкой, его жена-ровесница также преподавала в Академии права, причем ходили упорные слухи, что Олежек изменяет ей чуть ли не в открытую, не пропуская, что называется, ни одной юбки. Имелся у пары и сын Сашок, как ласково-пренебрежительно называл своего отпрыска любящий отец. В ту пору парню было лет семнадцать, он как раз оканчивал среднюю школу. Теперь, должно быть, уже студент или вовсе окончил вуз, скорее всего, ту же Тарасовскую академию права...

Буквально в первые дни знакомства с Солодовниковым я убедилась, что славу ловеласа тот снискал вполне заслужен-

но. Одет всегда с иголочки, хорош собой, подтянут, да и на комплименты не скупился – настоящий дамский угодник.

Мне Олег сразу же начал оказывать недвусмысленные знаки внимания, однако как возможный сексуальный партнер Солодовников меня совершенно не интересовал.

Будучи человеком неглупым, Олег моментально все понял и больше подобных попользований себе не позволял. Однако это вовсе не означает, что между нами прекратились какие-либо контакты, наоборот, мы умудрились стать добрыми друзьями. Причем наша дружба основывалась на общих профессиональных интересах.

Солодовников несколько раз приглашал меня в гости, так я и познакомилась с его замечательной мамой, Еленой Григорьевной. Вскоре я стала кем-то вроде друга семьи, что меня вполне устраивало.

В ту пору Солодовникову было сорок с небольшим, и он казался мне вполне солидным мужчиной, да он и был таким. Весьма обеспеченный, к тому же успел сделать неплохую карьеру. Сейчас Олегу, стало быть, уже под пятьдесят.

Интересно, он сильно изменился? Судя по голосу, вряд ли. Я время от времени навещала в гости к Елене Григорьевне, а с самим Олегом мы не виделись несколько лет, поскольку он уезжал на стажировку в Европу. Потом он вернулся, но я все как-то упускала случай повидаться со старым знакомым. Лишь благодаря дошедшим до меня слухам я узнала, что Олег все же развелся со своей женой, а

вскоре вроде бы женился на ровеснице своего сына. Меня это почему-то не удивило... Вскоре Олег открыл собственную юридическую контору и, судя по всему, жил припеваючи. Как, впрочем, и всегда. И вот теперь мы вновь возобновляем наше общение, жаль, что при столь печальных обстоятельствах.

Погрузившись в воспоминания, я не заметила, как добралась до нужного мне перекрестка.

Мне удалось припарковать машину на стоянке возле кафе, видимо, в этот час посетителей в «Плеяде» было немного.

Войдя в кафе, я с удовольствием огляделась. «Плеяда» была очень уютным местечком. Со вкусом подобранный интерьер и великолепная кухня позволяли отнести это заведение скорее к разряду небольших ресторанов, чем кафе.

Я выбрала столик у окна, расположившись лицом к входной двери, чтобы первой заметить Солодовникова. До его прихода оставалось около четверти часа, поэтому я решила перекусить, чтобы дополнить свой не слишком сытный завтрак.

Ко мне подошла молодая улыбчивая официантка, и я продиктовала свой заказ: винегрет с кальмарами и оладьи со сметаной. И, конечно же, эспрессо.

Официантка довольно быстро вернулась с уставленным тарелками подносом, и к тому времени, как в дверях появился Солодовников, я, основательно подкрепившись, уже допивала свой эспрессо.

В том, что это был именно Олег, я ни на секунду не усомнилась. Сама не ожидала, что окажусь настолько права в своих предположениях – Солодовников действительно ничуть не изменился. Стройный, подтянутый, он шел к моему столику легкой пружинистой походкой. Светло-серый, явно дорогой костюм придавал ему сходство с молодым успешным адвокатом, если судить по голливудским сериалам. Клишированный образ довершила великолепная белозубая улыбка, когда Олег, подойдя к столику, заявил:

– Замечательно выглядишь, Танюш! Рад тебя видеть.

– Спасибо, взаимно, – улыбнулась я, отвечая одновременно и на комплимент, и на приветствие.

Если судить по внешнему лоску, то Солодовников по-прежнему жил припеваючи. Я мельком бросила взгляд в окно – на стоянке красовалась новенькая иномарка. Поскольку, кроме нас с Олегом, новых посетителей в кафе пока не было, я предположила, что машина принадлежит именно Солодовникову, и не ошиблась.

– Это мое недавнее приобретение, – усмехнулся Олег, видимо, заметив мой взгляд. – Нравится?

Я кивнула.

– Отличное авто, – завила я вполне искренне. – Поздравляю.

– Спасибо...

Тут подошла официантка, и Солодовников сделал заказ, ограничившись чашкой черного кофе и небольшим сэндви-

чем. Все это практически через мгновение материализовалось перед ним на столике.

– Знаешь, Танюш, – Солодовников с задумчивым видом отпил немного кофе, слегка отодвинув тарелку с сэндвичем, – последнее время вообще кусок в горло не идет. Буквально силком заставляю себя есть хоть немного, иначе не очень-то попрыгаешь...

Теперь я более внимательно взгляделась в лицо своего клиента. Олег не лукавил – возле четко очерченных губ залегли жесткие скорбные складки, под глазами появились тени, как при длительной бессоннице.

Я не вправе кого-либо осуждать, возможно, Солодовников был не самым лучшим супругом и довольно беспечным отцом. Однако одно я знала наверняка – Олег всегда был нежным и заботливым сыном. Смерть матери стала для него страшным ударом, и я, как никто другой, понимала его желание как можно скорее найти убийцу.

Олег принялся механически жевать кусок сэндвича. Казалось, он действительно через силу заставляет себя есть.

– Когда это случилось? – тихо спросила я.

– Совсем недавно, – отозвался Олег. – Два дня назад.

– Маму нашел ты?

Солодовников вздохнул и покачал головой.

– Нет, Саша. – Я машинально отметила, что Солодовников перестал называть сына Сашком. Да и голос его звучал теперь гораздо теплее, по-отечески, что ли. – Он ведь часто

заходит... заходил к маме. Сразу позвонил мне, кричит, что бабушку убили. Я даже не понял, что он тогда говорил. Только в голове стучит: «Она лежит вся в крови!» Думал, сейчас приеду и все будет в порядке. Крикнул, что еду. И еще сказал, чтобы вызывал «Скорую». А он заплакал...

Судя по его виду, Олег и сам был недалеко от того, чтобы заплакать.

– А полицию Саша не вызывал? – Я понимала, что Солодовникову нелегко вновь вспоминать все эти подробности, но чтобы провести расследование, я была вынуждена задавать вопросы.

– Полицию вызвал я, – проговорил Солодовников. – «Скорая», к сожалению, не понадобилась... Мама действительно лежала на полу, вокруг головы большая лужа крови. Ее с силой ударили чем-то тяжелым, мне в полиции потом объяснили.

– Ты сказал, в квартире твоей мамы был обыск. Что-нибудь пропало?

– Нет, ничего. Вообще ничего, в том-то и дело. – Олег внимательно рассматривал свои руки, сложив их перед собой на столе. – И следов взлома никаких. Они считают, что мама сама открыла дверь. Спрашивали, подозреваю ли я кого-нибудь из знакомых.

– А ты подозреваешь?

Олег недоуменно посмотрел на меня.

– Да в том-то и дело, что нет! – раздраженно отозвался

он. – Ты что, мою маму не помнишь? Ну не было у нее врагов, ее все любили. Она же как ребенок!

Олег сжал кулаки. Елену Григорьевну я прекрасно помнила, и, на мой взгляд, все обстояло именно так, как и говорил Олег.

Елена Григорьевна была милейшей старушкой, мне и самой показалась нелепой сама мысль, что кто-то мог желать ей смерти. Тем не менее этот кто-то убил ее, причем довольно жестоко.

– Возможно, это был все-таки вор, – предположила я вслух. – Есть вероятность, что он не собирался убивать твою маму, просто не рассчитал силу удара. А потом кто-то спугнул его на лестнице, и он удрал, так и не зайдя в квартиру.

– В полиции тоже так считают, – кивнул Солодовников и посмотрел мне в лицо: – Ну так что, ты возьмешься за это дело?

Я кивнула без малейших колебаний:

– Конечно, приступаю прямо сегодня.

Олег улыбнулся, и его лицо разгладилось.

– Спасибо, Танюш! Я знал, что могу на тебя рассчитывать.

– У меня есть еще пара вопросов. – Я заметила, что Олег бросил взгляд на часы.

– Конечно, спрашивай. – Он внимательно посмотрел на меня.

– Полиция уже успела кого-нибудь опросить? Я имею в виду возможных свидетелей.

– Ну... – Солодовников нахмурился. – Насколько мне известно, в первую очередь поговорили с консьержем. Милый такой старичок, сидит на своем посту на первом этаже, как полагается.

«Консьерж», – мысленно взяла я на заметку.

Олег потер ладонями виски.

– Да, и еще мамину соседку. Молодая такая, кажется, мать-одиночка. Живет в квартире напротив. У мамы в доме такое расположение квартир, если ты помнишь. Две двери выходят в общий коридор. А две другие квартиры – через площадку с лифтом. Не знаю, опрашивали ли их. Даже если и так, что толку. Так далеко вполне могли ничего не увидеть и не услышать. Даже если и дома были. А ведь это будний день, все на работе.

Он был прав. Преступники почему-то предпочитают обходиться без свидетелей.

– А эта самая мать-одиночка, – попыталась выяснить я, – она что-нибудь слышала?

Олег пожал плечами.

– Вряд ли, иначе дело продвигалось бы быстрее. Мне-то ничего не сказали, сослались на тайну следствия.

– Да, кстати, ты упомянул, что первым о случившемся узнал твой сын Саша. Мне и с ним надо будет поговорить, ты ведь понимаешь?

– Само собой, – не стал возражать Солодовников. – Запиши его номер.

Я вбила номер Солодовникова-младшего в контакты.

– Он бабушку очень любил, – негромко проговорил Солодовников, задумчиво наблюдая за моими манипуляциями. – Считай, вырос с ней. Мы с Зинкой не слишком-то много времени с сыном проводили. Теперь уж не наверстаешь... Все карьера на уме да компании, поездки разные.

«Да еще многочисленные походы налево», – мысленно дополнила я, стараясь сохранять непроницаемое выражение.

– М-да, – вздохнул Олег, не подозревая, чему именно только что поддакнул.

«Кстати, мне, возможно, пригодится и телефон его бывшей жены, Зинаиды». Я и его не преминула попросить, и Олег с готовностью продиктовал мне еще один номер.

– А с Аллой я тебя лучше сам познакомлю. В самое ближайшее время, – пообещал мой клиент с некоторой опаской.

Значит, его новую молодую жену зовут Алла...

– Теперь мне остается только ждать, уж ты-то от меня ничего скрывать не станешь, а, Тань? – Солодовников заглянул мне в глаза.

– Не стану, не сомневайся, – заверила я своего клиента.

Мы уладили формальности с оплатой и распрощались.

Солодовников сел в свою иномарку, перед этим галантно осведомившись, не надо ли меня подвезти. Чего-чего, а хороших манер ему было не занимать.

Я отказалась, поскольку сама была на машине, и Олег уехал.

Разговор с Солодовниковым оставил впечатление какой-то странной незавершенности. С одной стороны, Олег с готовностью отвечал на вопросы, предоставляя все необходимые сведения и так далее. Но вот едва речь зашла о его второй жене, как мой клиент заметно занервничал, я бы сказала, пожалуй, даже испугался. Интересно, что за этим кроется? Уж не подозревает ли он в убийстве собственную супругу?

Я принялась тщательно припоминать все, что мне удалось выжать из разговора с Солодовниковым.

Если допустить, что Елена Григорьевна сама открыла дверь своему убийце, то логично предположить, что она была с ним знакома. То есть преступник – кто-то из ближнего круга.

Моя собственная версия о том, что убийца просто не успел войти в квартиру и был вынужден спастись бегством, теперь вызвала серьезные сомнения. Допустим, это так. И что, его действительно никто не видел? Все внезапно оглохли и ослепли? Хотя бы тот же консьерж, который по долгу службы просто обязан знать, кто заходит в подъезд или выходит из него. А уж если это незнакомец, то прямая обязанность консьержа – поинтересоваться, задав sacramентальные вопросы: «Куда? К кому?». Если только именно в это время консьерж никуда не отлучался, бывают и такие роковые совпадения. Или преступник мог намеренно выжидать, ко-

гда старичок ненадолго покинет свой пост, чтобы воспользоваться моментом и сделать свое черное дело. Да, но надо еще и уйти незамеченным.

Кстати, возможно, имеются записи с видеокамер, надо будет уточнить. А кроме консьержа могли быть и другие свидетели. Хотя Олег и ссылался на то, что, мол, в будни народу мало, но ведь город не пустеет до конца рабочего дня, как по мановению волшебной палочки. Люди так или иначе продолжают ходить по своим делам, далеко не у всех жесткий рабочий график, например строго до шести вечера. Есть пенсионеры, фрилансеры, молодые мамы в декретном отпуске, да мало ли кто еще.

Хоть какая-нибудь зацепка да найдется, утешала я себя.

А что касается новой супруги Олега, пока не знакомой мне Аллы... Я ведь понятия не имею, как складывались отношения между Еленой Григорьевной и ее новой невесткой. Что, если это та самая пресловутая классика жанра – невестка убивает ненавистную свекровь-кровопийцу?

Я задумалась.

В моем представлении образ Елены Григорьевны никак не вязался с жестокой властной женщиной, норовящей сжить со свету молодую жену собственного сына. Хотя Елена Григорьевна могла случайно узнать что-либо крайне неблагоприятное о своей новой невестке.

Предположим, ей стало известно, что у Аллы есть любовник, и разгневанная мать пригрозила все рассказать Олегу.

Или же Елене Григорьевне удалось что-нибудь разузнать о бурном прошлом прелестной супруги своего сына. Нечто такое, что Алла решила скрыть от своего обеспеченного мужа. Например, свой опыт работы в эскорт-услугах или в стриптиз-клубе.

Тут я едва не расхохоталась. Я ведь в глаза не видела эту самую Аллу и понятия не имею, есть ли у девушки склонность к подобному виду деятельности.

Тут я вновь припомнила, как забеспокоился Олег, едва речь зашла о его второй жене. И тут меня поразила новая догадка – что, если Елену Григорьевну действительно убила Алла? А Солодовников с самого начала об этом знал, но решил во что бы то ни стало вывести жену из-под удара. И вот здесь как раз-таки его стремление оттянуть наше с Аллой знакомство выглядит вполне логичным.

Предположим, супруги, посоветовавшись, выработали совместный план действий. Прежде чем Алла встретится со мной, Солодовников подробно ее проинструктирует, что и как она должна будет говорить. Наверняка они уже состряпали убедительное алиби. Вот только способен ли Солодовников на такую подлость, ведь его скорбь выглядела такой неподдельной?

И ради чего он стал бы покрывать убийцу собственной матери? Безграничная любовь, готовность на все ради нее?

Тут я, прямо скажем, не сильна. Беспристрастные доводы рассудка, логические построения, аналитика – это моя сти-

хия.

Если допустить, что Елену Григорьевну действительно убила Алла, из каких соображений Солодовников стал бы ее выгораживать? Желание скрыть позор, спасти свою репутацию, ведь это преступление неизбежно бросит тень и на самого Солодовникова. У владельца известной адвокатской конторы жена – убийца. Кто же станет к нему обращаться? К тому же маму уже не вернуть, а раскрытие преступления может сломать жизнь им обоим.

Со своей точки зрения Солодовников не такой уж негодяй. Неизвестно, при каких обстоятельствах его жена расправилась с Еленой Григорьевной (если это действительно она). Может, у Аллы и в мыслях не было убивать свою свекровь, однако вскоре гипотетический неприятный разговор принял такой оборот, что у молодой женщины сдали нервы и – р-р-раз! Состояние аффекта, ужас от осознания того, что натворила. Потом бегство с места преступления. «Дорогой, что нам делать, я убила твою маму?!»

Что же такого могла наговорить своей невестке Елена Григорьевна, чтобы довести ее до подобного состояния? Повторяющиеся из раза в раз придирки, упреки, унижения, и в какой-то момент чаша терпения переполнилась. Что-то из этого набора стало той самой последней каплей.

Но тут я вновь вспомнила добрую, милую, бесхитростную старушку, чей образ ну никак не вязался с ехидной фурией. Хотя что я, собственно, знаю о покойной? Может быть,

она при посторонних разыгрывала радушную хозяйку, а со своими невестками была тем еще монстром.

Кстати, при мне Елена Григорьевна никогда не упоминала о Зинаиде, первой жене Солодовникова. Между тем о других своих родственниках и знакомых она с удовольствием распространялась. В известном смысле это можно расценить как косвенный признак неприязни. Хотя, возможно, пожилая женщина испытывала чувство вины, ведь супруги разошлись из-за многочисленных измен Олега, ее обожаемого сыночка.

Пик нашего общения с Еленой Григорьевной пришелся как раз на тот период, когда Олег уже развелся с Зинаидой, а Алла в его жизни еще не появилась. Поэтому вполне естественно, что об отношениях Елены Григорьевны и второй жены Солодовникова мне ровным счетом ничего не известно.

Как бы там ни было, но Аллу в любом случае надо проверять на наличие алиби. Зинаиду, впрочем, тоже.

Погруженная в размышления, я все же не забывала следить за дорогой. Я как раз заканчивала выруливать из лабиринта переулков в так называемом старом центре и решила ненадолго припарковаться возле сквера, чтобы сделать важный звонок.

Я всегда была непримиримой противницей телефонных разговоров за рулем и нарушала это правило лишь в экстренных случаях. При этом я использовала опцию «свободные

руки», что само по себе нарушением не является.

– Александр? Добрый день, – бодро заговорила я, едва в трубке раздался удивленный голос. – Это Татьяна Иванова. Возможно, вы меня помните.

– Э-эм... Извините, что-то не припоминаю, – вежливо отозвался сын Солодовникова, с которым я собиралась побеседовать в первую очередь.

Мое решение было продиктовано двумя причинами. Во-первых, по словам Солодовникова, именно его сын обнаружил тело Елены Григорьевны. Одно лишь это обстоятельство указывало на то, что начинать опрос свидетелей следовало именно с внука погибшей. Ну а во-вторых, судя по уверениям того же Солодовникова, Александр был очень привязан к бабушке и крайне тяжело переживал ее смерть.

Я предвидела, что наш разговор с Сашей будет довольно тягостным, и мне меньше всего хотелось лишний раз травмировать психику паренька. Тем не менее беседа была необходима, и я утешала себя тем, что делаю это в том числе и ради самого Саши. Вернуть бабушку это, увы, не поможет, зато позволит как можно быстрее разыскать и наказать убийцу.

– Мы когда-то работали вместе с вашим папой в прокуратуре, – начала я несколько пространно излагать историю нашего знакомства. – И в гости к вашей бабушке я заходила, мы все вместе чаевничали несколько раз, помните?

– А-а, да... Кажется, помню, – пробормотал Саша. Мне показалось, он сказал это всего лишь из вежливости, по-

прежнему не имея представления, кто я такая и что мне, собственно, от него нужно. – Только понимаете, бабушка... С бабушкой...

Мне стало жаль парнишку, он явно не хотел лишний раз упоминать вслух о том, что произошло с его родным человеком.

– Саша, мне известно, что случилось в вашей семье, – мягко проговорила я. – Именно об этом я и хочу с тобой побеседовать. – Я и не заметила, как перешла на «ты», ведь именно так мы когда-то и общались.

– Да, но откуда... – начал было Саша, и я продолжила:

– Я веду частные расследования, и твой папа обратился ко мне за помощью. Поэтому я знаю, какое горе постигло вашу семью, и очень сочувствую. Прими мои соболезнования.

– Спасибо, – пробормотал Саша. – Вы хотите со мной поговорить? Ну о том, что я видел? Только в полиции меня уже опрашивали, я мало что знаю...

– И все же я хотела бы с тобой поговорить. Мы можем встретиться?

– Да не вопрос. Я как раз из универа возвращаюсь. Заходил уточнить расписание.

От Солодовникова я знала, что Саша учится в Тарасовском университете, а сейчас, когда каникулы подходили к концу, особенно добросовестные студенты предпочитали заранее выяснить детали обучения в предстоящем году. Видимо, Александр Солодовников относился именно к таким

студентам.

– Тогда скажи, где ты сейчас находишься, – предложила я, – и я подъеду.

– Может, я подожду вас на Университетской у входа в сквер? – предложил Саша. – Как раз к нему подхожу.

Я прикинула, как быстро смогу добраться до указанного места. По моим подсчетам, это займет не более десяти минут, что меня вполне устраивало.

– Тогда жди, через четверть часа подъеду, – сообщила я и двинула в сторону Университетской.

Я не ошиблась. Через десять минут я и вправду уже парковалась в переулке близ Университетской, где наискосок располагался тот самый сквер.

Саша, очевидно, ждал меня у входа в него с другой стороны, в чем я и убедилась, буквально пробежав по аллее небольшого сквера.

Парень сидел на скамейке, рассеянно перебрасывая из одной руки в другую теннисный мяч. Рядом с ним на лавке лежала ракетка.

При моем появлении он поднялся и попытался изобразить улыбку. Не очень-то он в этом преуспел, сразу видно, парень был подавлен.

– Здравствуйте. – Он с угрюмым любопытством смотрел на меня, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Я отметила, что Саша почти не изменился, разве что стал немного выше ростом и чуть шире в плечах.

– Теперь узнаешь? – улыбнулась я.

Саша кивнул и снова уселся на лавочку, переложив ракетку себе на колени.

Я устроилась рядом. Теперь Саша сжимал мячик обеими руками, неотрывно глядя перед собой.

– Твой папа сказал, что ты нашел бабушку в квартире, лежащей на полу, – тихо начала я. – Это правда?

Саша кивнул.

– Да, – негромко проговорил он. – Я пришел, как мы с ней договаривались. Обещал ей новую игру установить.

– Игру? – удивилась я.

Саша снова кивнул.

– Бабуля очень любила компьютерные игры, стрелялки, квесты разные... Ну, и я с ней за компанию. Вернее, благодаря мне она и начала в них играть. Сначала сердилась на меня, что я торчу в компе, лучше бы книжку почитал и всякое такое... Я ей предложил попробовать поиграть. Она сначала руками на меня махала, а потом попробовала. Говорит, интересно. Ну и втянулась. Мы и в сетевые игры стали с ней играть, как будто вдвоем за одного игрока.

– Значит, бабушка тебя в тот день ждала? – уточнила я.

– Да, мы с ней заранее договорились. Я даже не позвонил в тот день...

– А как ты вошел в квартиру? – поинтересовалась я. – У тебя есть свой ключ?

Саша покачал головой.

– Нет, не было у меня ключа. Зачем он мне? Бабуля всегда дома, я просто звонил, и она мне открывала.

Да в том-то и дело, что в тот день Елена Григорьевна не могла открыть дверь своему внуку.

– Ты и в тот раз позвонил в дверь? – спросила я.

– Ну да. – Саша посмотрел на меня каким-то унылым затравленным взглядом. – Звонил несколько раз, но бабуля не открывала. Подумал уж, что она куда-нибудь вышла в кои-то веки. Бабуля ведь из дома почти не выходила. Я достал телефон, хотел позвонить, спросить. А потом смотрю – дверь вроде как приоткрыта. Чуть-чуть совсем. Я еще удивился, как это бабушка дверь не закрыла. Она всегда за этим очень следила. Иногда сидим с ней на кухне, чай пьем, или в комнате у компа, так она просит, чтобы я еще раз сходил посмотреть, закрыта дверь на замок или нет. Я ей говорю, что закрыта, а она: «Нет, ты посмотри! Вдруг забыл». И так несколько раз.

Тут Саша замолк, словно задумался.

– И ты вошел в квартиру? – прервала я молчание.

– Угу, – отозвался он, не глядя на меня. – Дверь открывать начал, а она только до середины открывается, будто держит кто изнутри. Ну я протиснулся, а там...

Саша замолчал и каким-то нервным движением откинул волосы со лба. Он судорожно вздохнул и с силой сжал несчастный мячик.

– Узнаю, кто это сделал – убью, – пробормотал Саша

сквозь стиснутые зубы.

– Самосуд – это недопустимо, – напомнила я.

Саша резко повернулся в мою сторону.

– А убивать невинных людей допустимо?! – Лицо парня было перекошено, губы дрожали. Еще немного, он и впрямь разрыдается. – Бабуля никому ничего плохого не сделала, она же как маленький ребенок! За что было ее убивать?! Почему?!

Саша невольно повторил фразу, произнесенную недавно его отцом. Теперь парень облокотился на спинку скамейки и сидел в расслабленной позе, тяжело дыша. Казалось, внезапная вспышка ярости вконец его вымотала.

– Ты учишься в университете? – спросила я, решив ненадолго отвлечь парня от тяжелых мыслей. Я ему искренне сочувствовала, но если он каждый раз будет так взрываться, мы далеко не уедем. – По стопам родителей не пошел, не хочешь становиться юристом?

– Не-а. – Саша покачал головой. – Скука сплошная эта ваша юриспруденция. Я еще в школе решил стать программистом. Отец был против, а бабуля меня поддержала.

– А мама? – поинтересовалась я.

– А матери пофиг, – коротко отозвался сын Солодовникова и едва заметно поморщился.

Понятно... Здесь, похоже, кроется тот еще клубок противоречий.

Я решила осторожно потянуть за ниточку.

– Скажи, а какие отношения были у бабули с твоей мамой?

Саша лишь равнодушно пожал плечами.

– Да нормальные. Они ведь общались редко, мама была очень занята. Сначала кандидатскую защищала, потом докторскую. Вся на нервах, с работы очень поздно приходила.

– А ты все это время жил у бабушки?

– Да нет, я с родителями жил. А к бабуле приходил очень часто, это да. Она всегда была рада.

– А родители в гости к бабушке приходили? – продолжала выпытывать я.

– Ну да, конечно, приходили. – Саша, похоже, даже удивился. – На день рождения всегда бабушка приглашала. И на другие праздники. Даже мой день рождения у себя устраивала. И тортики пекла, каждый раз разные, очень вкусные. Да что я вам рассказываю, вы же к бабуле в гости приходили.

Он был прав, в дни нашего знакомства Елена Григорьевна баловала меня своей чудесной выпечкой.

– А как Елена Григорьевна отнеслась к разводу твоих родителей? – рискнула я наконец спросить, не зная, как отреагирует на это Саша.

Как ни странно, парень отнесся к моему любопытству довольно равнодушно.

– Да нормально. Сказала, вы, мол, взрослые, сами знаете, что вам делать. Я вам не указ и все такое. Да и прошло все довольно тихо. Родители не цапались, не скандалили. Просто

разошлись мирно, да и все.

– А жить ты остался с мамой?

Саша покачал головой.

– Нет, пока родители разъезжались, я жил у бабушки. Потом переехал к отцу. А год назад отец женился на Алле, а мне теперь снимает квартиру.

– Но ведь ты мог остаться жить с бабушкой, – предположила я.

– Мог бы, не вопрос, – с готовностью согласился Саша. – Она и сама предлагала. Но отец уперся, что нечего мне бабушке надоедать, и вообще пора жить самостоятельно.

– А по-моему, твой отец предложил неплохой вариант, – заметила я.

Сама я всегда считала, что лучше жить отдельно от родственников, и чем раньше, тем лучше.

– Да, неплохой, – со вздохом согласился парень. – Только вот подумал на днях, что, если бы я жил у бабули, а не просто в гости к ней заходил, она бы сейчас была жива. А так...

Он махнул рукой. Мне стало жаль парня.

– Не растравляй себя, ты здесь ни при чем. – По крайней мере, в тот момент я действительно так думала. – Раз уж убийца замыслил преступление, он рассчитал бы, когда тебя точно не будет дома. Возможно, именно так он и действовал.

– Но кому понадобилось убивать бабушку? – мрачно пробормотал Саша, немного успокоившись.

– Именно это мы и должны выяснить, – отозвалась я. –

С твоей помощью. Ты, случайно, не помнишь, Елена Григорьевна никого не ждала в гости в тот день?

– Да нет вроде бы. – Саша задумался. – К ней и в гости-то почти никто не ходил. Ну кроме нас с отцом, конечно. И еще мама, но очень редко.

– Может, у нее в последнее время появились какие-то новые знакомые? – не сдавалась я.

– Вот уж не знаю. – Саша развел руками. – При мне к ней никто не приходил, а бабуля ни о чем таком не говорила. Да и не любила она гостей, разве что самых близких.

– Не любила? – удивилась я.

Я запомнила Елену Григорьевну как радушную хлебосольную хозяйку.

– Да нет, не то чтобы она их ненавидела. – Саша усмехнулся. – Просто говорила, что хлопотно это все, она последнее время книги полюбила читать. Особенно русскую классику. Тургенева там, Достоевского. Нет, насчет знакомых ничего не могу сказать. Рад бы, но не знаю.

– Понятно... – Я вздохнула. – Скажи, а во сколько ты в тот день пришел к бабушке?

– В три часа, – уверенно заявил сын Солодовникова. – Полтретью у меня тренировка во Дворце спорта закончилась, и к трем часам я уже был у нее.

– И ты так быстро добрался? – удивилась я.

Елена Григорьевна жила в доме так называемой сталинской постройки на Лермонтова, неподалеку от набережной.

От Дворца спорта туда добираться было довольно прилично, особенно если учесть, что ехать надо с пересадками.

– Так я же на машине, – усмехнулся Саша. – Мне отец подарил, когда я поступил на бюджет. Мировой подарок.

– Отец у тебя тоже мировой, – задумчиво отозвалась я.

Саша не стал возражать, а мне вдруг пришло в голову, не был ли этот подарок попыткой загладить собственную вину. Ну, например, Солодовников-старший мог чувствовать себя виноватым перед сыном из-за развода с его матерью. А теперь к этому еще прибавилась его новая женитьба на юной красотке, почти ровеснице сына. Хотя подобной рефлексии за Солодовниковым я никогда прежде не замечала. Но как знать, со временем люди меняются.

Прежде чем попрощаться с Сашей, я обратилась к нему с просьбой:

– Ты все же еще раз поразмысли, кому твоя бабушка могла без опасения открыть дверь. Следствие склоняется к мысли, что она сама впустила убийцу в квартиру.

С этими словами я протянула Саше свою визитку.

Парень кивнул с серьезным выражением лица, принимая у меня визитку.

– Хорошо, – заверил он меня. – Я постараюсь как следует все обдумать, и если хоть что-нибудь вспомню, обязательно вам позвоню.

На том мы и расстались.

Вернувшись домой, я первым делом приготовила себе ко-

фе. Мне предстояло многое обдумать, а этот напиток, без которого я была неспособна обходиться дольше нескольких часов, способствовал мыслительному процессу.

Устроившись на диване с чашкой в руках, я принялась подробно анализировать информацию.

Пока мне удалось выяснить только одно: милейшую старушку убил неизвестно кто и неизвестно за что. Ах да, еще и неизвестно зачем, ведь в квартире убитой ничего не пропало.

Оба Солодовниковых, как отец, так и сын, в один голос утверждают, что у Елены Григорьевны не было врагов, и недоумевают, с какой стати кому-то могло прийти в голову совершить столь же гнусное, сколь и бессмысленное, преступление.

Какой-нибудь новоявленный Раскольников? Но ведь Елена Григорьевна отнюдь не старуха-процентщица. Беспечная и безобидная, как мотылек, пожилая женщина, день за днем коротавшая свой бесхитростный досуг за чтением книг, приготовлением вкусностей, да еще игравшая в компьютерные игры с обожаемым внуком. Кого могли до такой степени вывести из себя эти занятия, чтобы этот кто-то с силой нанес удар по голове бедной женщине, отправив ее на тот свет?

Кстати, с орудием преступления тоже полная неясность. Наверняка убийца унес его с собой.

Я потянулась за блокнотом и сделала в нем пометку насчет предполагаемого орудия преступления.

Не сказать, что у меня была необходимость непременно заносить список дел в блокнот, но это занятие неизменно помогало мне сосредоточиться, упорядочить мысли, что называется.

Заодно уж я сделала пометку о проверке записи с камеры видеонаблюдения.

По поводу этих двух пунктов мне все же придется обратиться к полковнику Кирьянову, моему давнему другу и бесценному помощнику.

Так, что еще?

Я закрыла глаза, мысленно выстраивая схему ближайших действий.

Главного свидетеля, то есть внука погибшей, первым обнаружившего тело, я уже опросила. Теперь мне предстояло побеседовать с консьержем, уж он-то должен знать, кто и как часто приходил к Елене Григорьевне. И вообще, и в тот роковой день в частности. Саша, внук, вполне мог не знать знакомых Елены Григорьевны. К тому же она вполне могла и не обсуждать с ним своих друзей или приятельниц, считая, что молодому человеку попросту скучно все это выслушивать. Елена Григорьевна обладала редким тактом, и такого рода соображения были вполне в ее духе.

А вот пожилой консьерж может оказаться весьма ценным информатором. Консьержи знают о жильцах вверенного им дома даже то, чего те сами о себе не знают.

Эта мысль меня воодушевила, и я принялась рассуждать

дальше.

Еще была молодая мать-одиночка, соседка Елены Григорьевны. Таким образом, я могу опросить сразу двух свидетелей за один визит. Редкая удача, если учесть, что порой мне приходится разезжать по всему городу из конца в конец, не говоря уже о поездках в соседние области, а то и перелетах.

Обе встречи я наметила на завтрашнее утро, а пока решила прояснить ситуацию с записью камер видеонаблюдения и набрала номер Кирьянова, или Кири, как привыкла его называть. Впрочем, преимущественно за глаза.

– Слушаю, – отрывисто отозвался полковник.

Я моментально сообразила, что отрываю Кирию от сверхважных (без тени сарказма) дел, поэтому кратко изложила свою просьбу.

– Да, Татьяна, я тебя понял, – отозвался полковник. – Пока ничего определенного сообщить не могу, подъезжай завтра в управление, а там посмотрим.

– Во сколько?

– С утра у нас, как всегда, запарка. Давай после обеда, часикам к четырем.

– Спасибо, Володечка, – с чувством поблагодарила я. – Буду завтра ровно в четыре. С презентом.

– Да ладно тебе... – буркнул Кирия и отключился.

Глава 2

В начале десятого я уже парковалась неподалеку от многоквартирного дома на Лермонтова.

Давненько мне не доводилось бывать в этом уютном уголке Тарасова. Я с интересом огляделась. За несколько лет здесь мало что изменилось, однако небольшой чистенький дворик перед трехподъездным домом не утратил своего очарования. Все так же мирно шелестели еще не начинавшей желтеть листвой липы и каштаны, разве что детская площадка перед домом стала более яркой и современной.

Я вошла в знакомый подъезд и сразу увидела нужного мне свидетеля, то есть того самого консьержа, оказавшегося сухоньким старичком с аккуратно постриженными и абсолютно седыми волосами.

Он восседал за довольно большим столом, на котором было все необходимое для несения суточной службы, включая электрический чайник и высокий керамический бокал. Центральное место занимал журнал для записи посетителей. Кроме стола в отведенной для консьержа нише помещалась тумбочка, на которой стоял маленький, едва слышно бормотавший телевизор.

Едва я переступила порог подъезда, как старичок оторвался от просмотра выпуска новостей и устремил на меня строгий взгляд серых слегка выцветших глаз.

– Вы к кому, барышня? – сурово осведомился он неожиданно звучным, хорошо поставленным голосом.

– Доброе утро. – Я приветливо улыбнулась и продемонстрировала свое удостоверение частного детектива. – Татьяна Александровна Иванова, хотела бы побеседовать именно с вами.

– Митченко Юрий Валерьянович, – с достоинством представился в ответ старичок. – Чем могу служить?

– Вы, наверное, догадываетесь, о чем я хотела бы с вами побеседовать, – доверительно начала я.

Юрий Валерьянович вздохнул и, наклонившись к тумбочке, выключил телевизор.

– Ну а что тут гадать. – Он развел руками. – Ваши уже приходили, в тот же день опросили полподъезда. И меня, конечно, в первую очередь.

Он осуждающе посмотрел на меня и покачал головой.

– Только что я мог им сказать? Я ведь отсюда никуда не отлучался и не видел никого из чужих. Да мимо меня и мышь не проскочит! – Митченко внезапно разгорячился, убеждая меня с таким видом, словно я упрекала его в недобросовестном исполнении должностных обязанностей.

Между тем у меня и в мыслях не было ничего подобного, разве что я действительно хотела узнать, кто приходил в тот день к Елене Григорьевне и не покидал ли свой пост консьерж в то самое время, когда произошло убийство.

Видимо, внезапная вспышка раздражительности старич-

ка объяснялась тем, что «наши», как выразился Митченко, уже подробно обо всем его расспросили, особенно упирая на то, что тот мог отлучиться с дежурства в самый неподходящий момент. И вот теперь какая-то особо недоверчивая сотрудница правоохранительных органов решила допросить его по второму кругу. Меня уже давно перестало удивлять, что люди зачастую приписывают мне службу в полиции, едва взглянув на мое удостоверение.

– А сама Елена Григорьевна никуда в тот день не выходила? – спросила я, чтобы придать нашей беседе более мирный характер.

Сама по себе эта информация меня мало интересовала, ведь старушка погибла в собственной квартире. Даже если она и выходила, например в ближайший магазин или просто подышать свежим воздухом, вряд ли это имело бы отношение к ее гибели.

Услышав мой вопрос, Юрий Валерьянович решительно покачал головой.

– Нет, она вообще очень редко выходила из дома, – заявил он. – Не любительница была прогулок всяких, а покупки ей родня приносила.

– Родня? – переспросила я.

– Ну да. – Митченко удивленно взглянул на меня. – Сын ее на машине привозил целые сумки. И еще внук, Сашок, как они его называли. То с одним пакетом, то с двумя. Хороший парень, вежливый. Всегда здороваётся и по имени-отчеству

обращается.

– А в тот день, когда Елену Григорьевну убили, кто-нибудь из родственников к ней приходил?

Тут Митченко воззрился на меня с неподдельным изумлением, мне даже неловко стало.

– Да как же... – забормотал он, едва вновь обрел способность говорить. – Ведь ваши же все записали. Приходил Сашок, ну, то есть Александр Солодовников. – Консьерж ткнул пальцем в журнал. – Вот у меня запись, все как положено.

Я взглянула на аккуратно расчерченную страницу. Действительно, «все как положено». Записи о посещениях жильцов с номерами квартир и временем прихода-ухода были сделаны аккуратным, крупным, каким-то детским почерком.

– Говорю же, мышь не проскочит, – обиженно повторил консьерж.

– Да, Саша, то есть Александр Солодовников, был в этот день единственным посетителем, – негромко произнесла я, чтобы не дать Юрию Валерьяновичу потерять нить нашей беседы. – Это он тело обнаружил?..

– Ну да, да, он! – с горячностью перебил меня Митченко. – А потом и отец его прилетел, то есть сын Елены Григорьевны. Этого-то я не записал, не до того уж было... Ну вот, а потом полиция, суматоха, жильцы-то, кто дома был, повыскакивали. Что, мол, такое, ох, ах!

Он схватил свой бокал с чаем и сделал большой глоток.

Я же с любопытством рассматривала небольшую дверь в

правом углу позади поста консьержа.

Интересно, что там, за этой дверью, и куда она ведет? Может, в подъезде есть второй выход.

– Скажите, Юрий Валерьянович, – продолжила я свои вопросы, когда старичок немного успокоился, – а что это за дверь, в подвал?

Консьерж несколько нервозно покосился в сторону той самой двери.

– Так нет. В подвал-то у нас вход снаружи. Спуск там есть, лесенка небольшая. – Он сделал еще один глоток. – А это бытовка моя. Вещи кое-какие там храню, ну и из съестного что-нибудь на день. За целый день-то проголодаешься, поди...

Тут он спохватился:

– Только вы не подумайте! Ничего горячего или там запрещенного – ни-ни!

Я улыбнулась.

– Не волнуйтесь, Юрий Валерьянович, ничего подобного у меня и в мыслях не было. Вы только скажите, через эту дверь можно выйти из дома с другой стороны?

Консьерж так удивился, что аж всплеснул руками, едва не опрокинув свой бокал прямо на журнал с записями.

– Вот ведь! – Он перевел дыхание и теперь почти кричал: – Нету! Говорю же русским языком, нету там никакого выхода! Ну не верите, сами взгляните, мне скрывать нечего!

Он привстал, видимо, для того, чтобы открыть дверь и продемонстрировать помещение за заинтересовавшей меня

дверью.

Я мягко удержала разбушевавшегося старичка за столом.

– Не волнуйтесь, Юрий Валерьянович, я вам верю. – Произнеся эту успокоительную формулу, я тем не менее продолжала неотрывно смотреть в глаза Митченко.

Некоторое время я не произносила ни слова, лишь молча и пристально всматривалась в лицо пожилого консьержа. Тот заметно занервничал и принялся перелистывать журнал.

– Да что? Нет там ничего, – пробормотал он.

Я еще несколько секунд не отводила взгляд от переносицы Митченко, затем со вздохом произнесла:

– Я не об этом, Юрий Валерьянович.

Тот быстро пожал плечами, словно вздрогнул.

– Вы ведь и сами прекрасно понимаете, о чем, – тихо проговорила я.

– Так я... – Он принялся озираться по сторонам.

– Признайтесь, Юрий Валерьянович, вы ведь отлучались куда-то в тот день. Причем именно в то самое время, когда и произошло убийство. Почему вы не рассказали об этом следователю?

– Да они не спрашивали! – Митченко почти кричал. – Они спросили, выходил я куда-нибудь из подъезда или нет. А из подъезда-то я никуда не выходил. Выходит, не соврал.

– Но куда-то же вы выходили? – не отставала я.

– Да в эту самую подсобку и зашел! – буркнул Митченко. – Ну так и что с того? Если бы кто в подъезд в это время зашел,

неужели бы я не услышал? Сразу бы вернулся и все записал: кто, куда, к кому. А не заходил ведь никто.

Теперь уже Митченко уставился мне прямо в лицо с полным осознанием собственной правоты. Однако я не спешила разделять его уверенность, подобное объяснение показалось мне более чем сомнительным. Если злоумышленник целенаправленно выслеживал консьержа, ожидая, когда тот покинет свой пост (что время от времени неизбежно для любого живого человека), то вряд ли стал бы громыхать дверью или топтать как слон. Полсекунды хватило бы, чтобы незаметно проскользнуть на лестницу, ведущую на верхние этажи. Так что напрасно Митченко похвалялся своей неусыпной бдительностью.

– Вот, можете сами посмотреть, – упрямо повторял между тем консьерж, – никто из посторонних не приходил и не выходил. Ни к Солодовниковой, ни к кому другому.

Я не стала тратить время на просмотр бесполезных записей. Вместо этого я спросила:

– А соседка Елены Григорьевны сейчас дома?

– Оленька? Внучка моя? – удивился Митченко. – Конечно, дома. Матвейку, наверное, гулять скоро поведет. А вам она на что? Ее вчера уже допросили, только знать она ничего не знает, хватит уже девчонку мучить своими вопросами...

Теперь настало мое время удивляться.

Вот так поворот! Оказывается, соседка Елены Григорьевны – внучка консьержа.

– И все же мне необходимо с ней поговорить, – твердо заявила я. – Будьте добры, запишите меня.

Я положила перед Митченко свое удостоверение, чтобы он убедился в серьезности моих намерений.

– Ладно уж, – проворчал консьерж и принялся аккуратно записывать в журнал мои данные.

Взглянув на часы, он вписал в соответствующие колонки время и номер квартиры.

– Проходите! – разрешил он, возвращая мне удостоверение. – Четвертый этаж, квартира девяносто три.

– Спасибо, – вежливо ответила я и направилась на знакомый мне этаж.

Я не стала ждать лифта и, бодро взбежав на четвертый этаж, очутилась в небольшом коридоре, в который выходили две металлические двери.

Одна из них – дверь квартиры Солодовниковой – была опечатана.

Позвонив в девяносто третью квартиру, я пару минут вслушивалась в звенящую тишину.

За дверью не было слышно ни малейшего шороха, не доносились до меня и звуки, свидетельствующие о том, что в квартире есть маленькие дети. Уж не ошибся ли бдительный консьерж, заявив, что его внучка дома с малышом? Может, Ольга с маленьким сыном вышла из подъезда в тот момент, когда ее дед на пару минут заглянул в подсобку.

Я подняла руку, чтобы еще раз надавить на кнопку звон-

ка, но тут раздался легкий щелчок, и дверь слегка приоткрылась. В образовавшейся щели я разглядела чей-то испуганно расширившийся глаз.

– Вы к кому? – голос прошелестел едва слышно.

Я раскрыла свое удостоверение.

– Мне необходимо побеседовать с Ольгой Митченко.

Дверь приоткрылась чуть шире.

– К нам уже приходила полиция. – Теперь я разглядела круглое полноватое лицо.

– Я не из полиции. Я частный детектив, просто хочу задать вам несколько вопросов.

Теперь дверь распахнулась во всю ширь, и на пороге появилась молодая женщина, с изумлением взиравшая на меня широко распахнутыми светло-серыми глазами. Видимо, любопытство взяло верх над осторожностью, ведь моя профессия все еще воспринимается как некая экзотика.

– Проходите. – Девушка посторонилась, пропуская меня в квартиру.

Я вошла в просторную прихожую, из которой высокая двустворчатая дверь открывалась прямо в гостиную.

Ольга слегка придержала одну створку и, пропустив меня в комнату, прошмыгнула следом, сразу же плотно закрыв за собой дверь.

– Боюсь сквозняков, – пояснила она. – Матвейка часто простужается, вот я и стараюсь двери плотно закрывать. Он ведь любит играть на полу.

Упомянутый Матвейка, пухлый карапуз, сидел на детском коврикe, постеленном поверх толстого ковра, покрывавшего весь пол в гостиной. Ребенок был всецело поглощен разложенными перед ним яркими игрушками и не обращал на нас никакого внимания.

– Как раз собиралась с ним погулять, пока погода хорошая, – вполголоса проговорила Ольга, жестом предлагая мне кресло. – Может, хотите чай?

– Нет-нет, не беспокойтесь, – вежливо отказалась я, не желая доставлять лишних хлопот молодой матери.

Девушка устроилась в кресле напротив, теперь нас разделял небольшой журнальный столик.

Я мельком оглядела гостиную, видимо, служившую одновременно детской, а заодно и спальней хозяйки квартиры. Вдоль стены стоял широкий раскладной диван, рядом прилежал небольшой комод. Другую часть комнаты полностью занимали детские вещи: кровать, расписная коробочка с игрушками, стульчик для кормления.

Несмотря на скромную обстановку, светлая просторная комната производила приятное впечатление благодаря царившим в ней чистоте и порядку. С первого взгляда было понятно, что с обязанностями молодой матери Ольга справляется превосходно.

Заодно я присмотрелась и к самой хозяйке. Теперь, в залитой ярким солнечным светом гостиной, Ольга выглядела совсем юной, да, возможно, она и была такой, я ведь понятия

не имею, сколько ей лет. Круглолицая, румяная, с наивными широко распахнутыми светлыми глазами, Ольга напоминала старшеклассницу, которой вот-вот предстояло отправиться на выпускной бал. Только платье подходящее выбрать, да и туфельки бы в тон.

Однако в действительности Ольгу занимали совсем другие заботы, она то и дело бросала беспокойные взгляды на Матвейку.

– Так, значит, вы живете в квартире бабушки? – Я решила начать расспросы с нейтральной темы, а заодно уточнить кое-какие подробности о самом Митченко.

Ольга кивнула.

– Да, мы с сыном в этой комнате, а дедуля почти все время проводит на работе, только спать приходит. У него в кухне диванчик, кухня у нас просторная, хотя сама квартира небольшая. – Ольга говорила довольно охотно, видимо, была общительной и добродушной.

Да, но почему она решила поселиться именно с дедом, а где же ее родители, да и отец Матвейки, в конце концов?

Мой взгляд невольно задержался на фотографии, стоящей на комод. Мужчина и женщина, молодые и привлекательные, держались за руки, оба широко улыбались. Мужчина на снимке выглядел загорелым, у девушки русые волнистые локоны до плеч, как у Ольги.

– Мои родители, – тихо пояснила хозяйка, заметив мой взгляд. – Папа и мама часто ездили в горы, увлекались аль-

пинизмом. И вот однажды они не вернулись... С тех пор я живу с дедушкой. Он меня вырастил, стал мне вторым отцом, да и мамой.

– Простите, я не знала, – смущенно пробормотала я.

– Да ничего. – Ольга грустно улыбнулась, чуть слышно вздохнув. – Столько лет прошло. Время лечит, хоть и не до конца.

– Знаете, – продолжала Ольга, словно погрузившись в собственные переживания и забыв, что я ей совершенно посторонний человек, – дедушка ведь действительно смог заменить мне папу. Он в то время был очень похож на моего папу... Ну то есть, конечно же, это мой папа был похож на него, так будет точнее. Просто одно лицо. Это сейчас в это трудно поверить. Дедушка сильно постарел, у него была очень тяжелая жизнь. Очень.

– А отец ребенка? – осторожно продолжала я, понимая, что рискую затронуть весьма болезненную тему.

Ольга опустила глаза, ее лицо приняло равнодушное выражение. Она принялась крутить тоненькое колечко на среднем пальце. На безымянных пальцах никаких колец не было.

– Он жив-здоров, с ним все в порядке. – Мне показалось, что Ольга едва заметно усмехнулась, хотя я могла и ошибаться.

Значит, как я и предположила в самом начале, Ольга не состоит, что называется, в законном браке с отцом своего ребенка.

– У меня к нему нет никаких претензий, к тому же он помогает нам с Матвейкой. – Ольга произнесла это спокойно, по-прежнему не глядя на меня.

Я промолчала, почему-то почувствовав себя неловко.

Тут девушка, словно спохватившись, встревоженно посмотрела на меня.

– Ой, вы ведь по делу пришли, а я тут со своими разговорами. – Она виновато похлопала густыми темно-русыми ресницами. – Извините, пожалуйста, я у вас столько времени отняла.

– Вовсе нет, – возразила я, причем вполне искренне.

Никогда ведь не знаешь, из какой именно, казалось бы, пустопорожней болтовни случится извлечь крупницы бесценной информации.

– Я хотела порасспросить вас о вашей соседке, – перешла я непосредственно к сути дела. – Скажите, в тот день, я имею в виду день убийства, к Елене Григорьевне кто-нибудь приходил? Вы ведь живете практически дверь в дверь, может, слышали что-нибудь?

– Да в том-то и дело, что не знаю, – ответила Ольга, как мне показалось, слегка раздраженно. – Пока мы с Матвейкой были дома, никто не заходил, все было тихо. Потом я повела сынулю в поликлинику, а возвращаемся – тут такое! Ну, думаю, доигрался мажорик!

Я насторожилась.

– Вы сказали – мажорик? – переспросила я. – О ком вы

говорите?

Ольга слегка пожала плечами.

– О внуке ее расчудесном, Сашуле, о ком же еще?

Странно... Я довольно давно знала Сашу Солодовникова, но никогда не думала о нем как о мальчике-мажоре. В моем представлении он никоим образом не соответствовал подобной характеристике.

– Оля, – осторожно начала я, – что вы имели в виду, говоря, что Саша доигрался? Что вы хотели этим сказать?

Ольга усмехнулась, ее взгляд стал жестким.

– Да они орали друг на друга так, что стены тряслись! – заявила она.

Я ошеломленно молчала. Вот так так!

– Вы говорите о том самом дне?

Ольга покачала головой.

– Да нет же! В тот день я ничего подобного не слышала. Должно быть, без меня все произошло. Я ведь вернулась, когда ее уже убили, а пришел-то к ней именно Саша. – Ольга посмотрела на меня, как на несмышленища.

– То есть вы считаете, что это Саша мог убить свою бабушку? – спросила я напрямик.

Ольга, нахмурившись, молчала, и тогда я задала следующий вопрос:

– А что именно они кричали, вы сможете пояснить?

– Кричал в основном Саша. – Ольга говорила, по-прежнему не глядя на меня. – Он прямо-таки орал: «Я тебя сейчас

замочу! Ты у меня свое получишь!», ну и все в таком духе. А как-то раз даже: «Сдохни, тварь!». Очень злобно, между прочим, прямо с ненавистью.

Я не верила собственным ушам. Никогда не слышала, чтобы Саша кричал, да еще в подобных выражениях. Милый, прекрасно воспитанный мальчик из интеллигентной семьи. К тому же на свою бабушку, в которой он, по его же собственным словам, души не чаял. Чем же так достала своего единственного внука безобидная с виду старушка?

– А что отвечала Елена Григорьевна? – продолжала я расспрашивать девушку.

– Что именно она говорила, я почти не слышала, – не сразу отозвалась Ольга. – Но она тоже кричала, хотя и тише, чем ее внучок. Только однажды она буквально заорала: «Нет, я сама замочу!» Матвейка проснулся, начал плакать. Он всегда просыпался, когда они скандалили. Я каждый раз хотела сказать Елене Григорьевне, чтобы они вели себя потише, но все как-то не решалась.

Я призадумалась. Какой же крик стоял в квартире Елены Григорьевны, если от него в испуге просыпался годовалый малыш...

– Ах да! – Ольга внезапно оживилась. – Не так давно они тоже вот так орали, потом стало тихо, и вдруг Саша выскочил из квартиры и побежал вниз по лестнице. А дверь он хлопнул с размаху, и она так и осталась открытой. Я как раз собиралась выйти, чтобы отнести бабушке термос с чаем и бутер-

броды. Сначала я так испугалась, что прямо замерла возле соседской двери. Она ведь была открыта, а внутри тишина. Хотела осторожно заглянуть, не случилось ли чего с Еленой Григорьевной, может, «Скорую» надо вызвать. Но только я собралась войти, как она сама подошла к двери и закрыла ее прямо у меня перед носом.

Я внимательно выслушала Олю, после чего уточнила:

– А как выглядела при этом сама Елена Григорьевна? Так, словно на нее было совершено нападение? Или, может, была расстроена?

Ольга покачала головой.

– Нет, выглядела она как обычно. Спокойная, подтянутая, аккуратно причесанная. Я еще удивилась. После такого ора даже не покраснелась.

Я все меньше понимала, что же творилось в семье Солодовниковых. Тут я вспомнила фразу, вскользь брошенную Ольгой.

– Оля, вы сказали, что не решались сделать Елене Григорьевне замечание по поводу их с внуком шумного поведения.

А, собственно, почему? Ведь это вполне естественно. Что же вас останавливало?

Ольга немного помолчала, слегка прикусив нижнюю губу.

– Понимаете, – начала она, словно раздумывая, говорить или нет, – Елена Григорьевна всегда вела себя очень сдержанно, как-то отстраненно. Со мной едва здоровалась. В об-

щем, мне было неловко к ней обращаться.

Я удивилась. Елена Григорьевна запомнилась мне очень милой, приветливой, располагающей к себе пожилой дамой. А тут вдруг такая холодность, по словам Ольги.

– Может, ей не нравилось, что Матвейка плачет? – предположила я, хотя сама не очень-то в это поверила. – Пожилые люди часто жалуются, что дети слишком шумно себя ведут.

Однако Ольга энергично покачала головой.

– Нет-нет, что вы! К Матвейке Елена Григорьевна всегда очень хорошо относилась. Улыбалась ему, разговаривала, хотя он говорить еще не умеет. Только улыбался в ответ. А она часто угощала Матвейку фруктами или игрушки дарила. Положит ему в ручку грушу или яблоко, или новую погремушку и смотрит, как он радуется. И сама при этом улыбалась, довольная.

Ольга проговорила все это задумчиво и немного удивленно. Словно только сейчас поняла, как странно вела себя Елена Григорьевна по отношению к ней самой и ее ребенку.

Я тоже была, мягко говоря, озадачена. Если верить Ольге, Елена Григорьевна была высокомерной нелюдистой дамой, а вовсе не добродушной бесхитростной старушкой, как мне представлялось до сих пор. И чем же могла Ольга заслужить такую антипатию со стороны своей соседки?

Впрочем, возможно, Елена Григорьевна придерживалась крайне старомодных взглядов на семью, да и на взаимоотно-

ношения полов вообще, и ей попросту претило, что Ольга родила ребенка, не удосужившись вступить в законный брак с его отцом. А уж свое неприятие образа жизни молодой соседки интеллигентная старушка выражала единственным доступным ей способом – ледяным молчанием. При этом Елена Григорьевна всячески давала понять, что ребенок за грехи матери не в ответе, чем и объяснялось ее теплое отношение к маленькому Матвею.

Ольга так и не ответила на мой вопрос, считает ли она внука Солодовниковой причастным к убийству. Я решила повторить попытку.

– И все же, что вы думаете насчет Саши? Мог он убить свою бабушку?

Ольга посмотрела на меня каким-то странным затравленным взглядом и беспомощно развела руками.

– Не знаю, – тихо произнесла она и немного помолчала. – Я ведь понятия не имею, что там произошло. Кричать он на нее кричал, но убить...

Ольга покачала головой и повторила:

– Не знаю, ничего не могу сказать.

Вот и мне пока совершенно нечего было сказать моему клиенту. Я посмотрела на часы. Мне еще предстояла встреча с Кирей, заодно надо было успеть заскочить за презентом – в отличие от меня, полковник предпочитал растворимый кофе, и я собиралась приобрести для него самую большую банку, какую только смогу разыскать.

Но больше всего меня занимала сейчас повторная встреча с Солодовниковым-младшим. Очень уж мне не терпелось выяснить, за что он собирался убить свою обожаемую, по его словам, бабушку. Чем не угодила своему внуку несчастная Елена Григорьевна, да еще до такой степени, что тот желал ей смерти.

Я поблагодарила Ольгу за то, что она выкроила минутку для беседы со мной. Она ведь действительно могла отказаться отвечать на мои вопросы, за что я действительно была ей очень благодарна. Хотя показания Ольги не только ничего не прояснили, а, скорее, еще больше меня запутали.

Теперь выходило, что сын Солодовникова становится подозреваемым номер один, а я уже была готова исключить Сашу из этого позорного списка.

Едва завидев меня, бдительный консьерж водрузил на носочки и с серьезным видом вписал в журнал время моего выхода из подъезда.

Я вежливо попрощалась со старичком и поспешила к машине.

– Алло, Саша? – Едва сев за руль, я набрала номер сына Солодовникова. – Нам необходимо встретиться. Да, прямо сейчас.

Судя по голосу, парень искренне недоумевал, зачем мне понадобилось с ним встречаться, если мы беседовали буквально накануне.

– Вы нашли того, кто убил бабушку? – В голосе Саши я

уловила не только надежду, но и, как мне показалось, что-то очень похожее на страх.

– Мне удалось выяснить некоторые подробности, – уклончиво ответила я. – Поэтому необходимо кое-что уточнить. Ты сейчас где?

– Дома, – удивленно отозвался парень. – Вот реферат пишу. Нам темы заранее дали, вот я и занимаюсь от нечего делать, чтобы в семестр время сэкономить.

Интересно, а зачем Саше понадобилось сообщать мне, что он пишет реферат?

Так, стоп, мысленно прервала я этот поток размышлений. Так и до паранойи недалеко. Сколько раз мои знакомые в телефонных разговорах сообщали между делом, чем именно они в данный момент заняты. Например, пью кофе, смотрю телевизор, собираюсь немного прогуляться. И что, каждый раз задаваться вопросом, а с какой, собственно, целью, меня посвящают в такие подробности? Уж не кроется ли за этим какой-то подвох?

Да, но сейчас-то я веду расследование, восприятие обострено до предела, поэтому безобидная, казалось бы, фраза сработала подобно сигналу тревоги. Уф...

– Диктуй адрес, – потребовала я.

Саша назвал улицу и номер дома, и я, прикинув, что поездка займет около получаса, принялась выруливать из тесного переулка на оживленную трассу. А заодно включила радио, чтобы ненадолго отвлечься от назойливых мыслей. Не

скажу, что слишком в этом преуспела, поскольку, когда я уже парковалась возле нужного подъезда, Александр Солодовников в моем воображении уже проходил в качестве главного подозреваемого по делу об убийстве собственной бабушки.

– Проходите. – Саша был явно взволнован моим визитом. – Вам правда удалось что-то выяснить?

– Возможно, – сдержанно отозвалась я, идя в комнату следом за Сашей.

Судя по картинке на мониторе, я действительно отвлекла сына Солодовникова от работы над рефератом. Рядом с ноутбуком притулилась кружка с растворимым кофе по соседству с тарелкой с бутербродами. Похоже, научная деятельность была в самом разгаре.

– Кофе будете? – засуетился младший Солодовников, вспомнив об обязанностях гостеприимного хозяина. – Я сейчас, только чайник подогрею.

– Нет, благодарю, мне не хочется кофе, – заявила я.

Собственно, мне, заядлой кофеманке, кофе хотелось всегда, но к растворимому напитку это не относится.

– Тогда, может, чай?

– Нет, спасибо, ничего не нужно. Давай лучше поговорим.

Только тут Саша перестал суетиться и явно насторожился, видимо, уловив в моем голосе нотки, не предвещавшие ничего хорошего.

– Конечно, – отозвался он, слегка растерявшись и усаживаясь на стул возле компьютера.

Я опустила в кресло напротив и некоторое время молчала, пристально глядя парню в глаза.

– Что-то случилось? – спросил он севшим голосом.

Видимо, его нервозность достигла апогея.

– Скажи, Саша, почему ты мне солгал? – спросила я, по-прежнему глядя на него в упор.

Парень заморгал и непонимающе уставился на меня. Взгляд был удивленным и испуганным одновременно. Солодовников-младший или очень хороший актер, или...

– Почему ты не сказал мне, что у вас с бабушкой были постоянные скандалы? Ты даже желал ей смерти, а если быть точным, сам грозился ее убить. – Я внимательно наблюдала за реакцией своего собеседника, которая не заставила себя долго ждать.

Лицо сына Солодовникова как-то нелепо вытянулось, на щеках появились красные пятна.

– Я?! – Саша, видимо, попытался закричать, но вместо крика у него получился какой-то жуткий полусшепот-полусвист. – Я грозился убить бабушку? Вы в своем уме?!

Я вздохнула. А чего я, собственно, ждала? Что он вот так, с ходу заявит: «Да, это я. Нате, вяжите меня».

– Саша, ты ведь понимаешь, что если это действительно ты, то отпираться бессмысленно, – продолжала я с показным спокойствием, и даже добавив в свой тон нотку доброжелательности. – Официальное следствие только началось, и как только они начнут глубоко копать, на тебя сразу же выйдут,

не сомневайся. Ты ведь не профессиональный преступник и наверняка не сумеешь замести следы. Так что подумай, не лучше ли сразу во всем признаться.

Саша смотрел на меня во все глаза и тяжело дышал.

– Я не понимаю, вы сейчас вообще о чем? В чем признаться? Что я сделал-то?

– Есть свидетельские показания, что вы с бабушкой очень громко выясняли отношения, постоянно, изо дня в день. И что ты, Саша, угрожал бабушке расправой. Тебе процитировать твои выражения?

– Да какие выражения? Что вы несете? Никому я не угрожал! – Солодовников-младший был, похоже, на грани истерики.

– Ну что ж, – я уже разозлилась, – ты, например, кричал бабушке: «Сдохни, тварь!», и постоянно обещал ее замочить. Убить то есть, надо полагать.

Саша на несколько мгновений застыл, потом как-то странно ссутулился, словно обмяк всем телом, и закрыл ладонями лицо. Послышались какие-то непонятные всхлипы, и я, с беспокойством глядя на своего собеседника, всерьез задумалась, не нужна ли ему медицинская помощь. Но тут Саша внезапно убрал руки от лица, и я с изумлением поняла, что он смеется.

– Фу-у, напугали... – Он и вправду с облегчением перевел дух. – Да разве это скандалы...

– А что же это, по-твоему? – спросила я, недоумевая по

поводу столь внезапной смены настроения подозреваемого. – Дружеская беседа?

– Ну да, вроде того. – Саша, похоже, окончательно отправился от шока и отхлебнул остывшего кофе.

Теперь настал мой черед испытать крайнюю степень недоумения.

– Ну так объяснись, будь так добр, как все это следует понимать?

Но Саша с объяснениями явно не торопился.

– Ну вы даете! Да меня чуть Кондрат не схватил! Это ж надо до такого додуматься...

Я молчала, по-прежнему ожидая объяснений.

– Ну, в общем, – начал, наконец, Саша, – мы с бабушкой играли.

– Играли? – изумленно переспросила я, и Саша кивнул.

Развернувшись к столу, он выдвинул ящик и, достав несколько дисков, положил передо мной. Я мельком взглянула – какие-то монстры, типы с бандитскими физиономиями и прочие характерные для компьютерных стрелялок персонажи.

– Бабуля обожала компьютерные игры, вот я и приносил ей разные игрушки, – пояснил Саша, кивнув на диски. – У нее дома тоже есть несколько штук. Я ей специально оставил. Только бабушка говорила, что одной ей играть неинтересно, да и загружать у нее не всегда получалось. Ну вот мы и играли, когда я приходил. Ну и кричали по ходу дела что-

то вроде «я тебя замочу» и всякое такое.

– Что, и Елена Григорьевна тоже кричала? – усомнилась я.

– Ну да. – Саша кивнул. – Только у меня, понятно, громче получалось. А что, кто-то из соседей слышал? Вроде никто не жаловался, а то мы бы, конечно, вели себя потише. Бабуля, она такая. Не любит кому-то неудобства причинять.

Тут Саша внезапно осекся, видимо, вспомнив, что бабушки больше нет.

Я задумалась. А ведь верно, Ольга так и сказала, что не жаловалась на шум, потому что боялась Елену Григорьевну. А остальные соседи, скорее всего, и вовсе не слышали никакого шума, ведь их квартиры расположены гораздо дальше.

– Скажи, а в каких ты отношениях с Ольгой Митченко? – спросила я после недолгого молчания.

– С кем? – удивленно переспросил Саша, видимо, парень искренне не понимал, о ком я его спрашиваю.

– С соседкой твоей бабушки, – пояснила я. – У нее еще маленький ребенок.

– А... – Саша пожал плечами. – Да ни в каких, в общем-то. Здравствуйтесь да до свидания, вот и все отношения. А что?

Я обвела взглядом комнату, единственную в съемной Сашиней квартире. Обстановка была довольно скромной, мебель – только самая необходимая, как обычно и бывает в съемном жилье. На столешнице из ДСП кружка с дешевым кофе и бутерброды с сыром из ближайшего супермаркета.

Я невольно вспомнила, с какой неприкрытой злостью

Ольга назвала Сашу «мажориком». Станет мажорик корпеть над рефератом, как же.

Интересно, за что внучка консьержа так взъелась на сына моего клиента? Неужели здесь обычная классовая ненависть? Да нет, не похожа Ольга на примитивную особу, которая с завистью считает деньги в чужом кармане.

Ольга явно обладала чувством собственного достоинства, и мне было непонятно, чем, собственно, объяснялся этот злобный выпад.

А что, если Ольга была влюблена в Сашу, пусть даже тайно, а тот не обращал на нее никакого внимания? Вот ведь он даже не сразу понял, о ком идет речь...

– А твоя бабушка ничего о ней не говорила?

Саша ненадолго задумался, припоминая, потом решительно покачал головой.

– Нет, вообще ни разу.

– Да, кстати, – я припомнила еще один эпизод из рассказа Ольги, – вы не так давно все же немного поссорились с бабушкой? Может, из-за игры?

– Да нет, мы не ссорились, – возразил Саша. – А почему вы спрашиваете?

– Ну свидетели утверждают, что сначала вы оба кричали, а потом ты вылетел из бабушкиной квартиры и помчался по лестнице. Было такое?

Саша нахмурился, припоминая.

– А, да. Точно, – сказал он наконец. – Было такое. Мы с

бабушкой как раз уровень проходили, и тут мне отец позвонил. Я и забыл совсем, что мы собирались встретиться. Ну он меня ждет, а меня нет. А он аж закипать начал. Ну я и рванул, чтобы его не злить. Влетело мне тогда, чего уж там...

Я мысленно взяла это на заметку, чтобы позже спросить у самого Олега Солодовникова. Проверять факты – неотъемлемая часть моей профессии. И все же я продолжала сомневаться в искренности сына Солодовникова, да и как я могла проверить правдивость его показаний. Оставалось лишь поверить ему на слово, но пока не получалось.

– Что ж, – я направилась к двери, – если все же припомнишь какие-нибудь подробности, сразу же мне позвони, хорошо?

– Хорошо, – вяло отозвался Саша, выйдя следом в прихожую, – только вспоминать-то особо нечего. Как гром среди ясного неба...

– Танюш, за кофе, конечно, спасибо. Но вот я тебя чем-то порадовать вряд ли смогу, – заявил Кирьянов, когда я, как и обещала, во второй половине дня появилась в его кабинете.

– Ну что ты, – возразила я с улыбкой, – я всегда рада тебя видеть, ты же знаешь.

Вместо ответа полковник развел руки в стороны и улыбнулся, любуйся, мол, сколько душе угодно. Однако по его озабоченному взгляду я поняла, что Кире совсем не до шуток.

– Дело какое-то совсем непонятное, – проговорил он со

вздохом. – Ни одного внятного мотива, как, впрочем, и ни единой зацепки.

– А записи с камер видеонаблюдения?

Кириянов взглянул на меня и вздохнул.

– Этим занимается капитан Белояров, я его предупредил, что ты придешь. Так что он тебя ждет.

Из сказанного Кирей я сделала безошибочный вывод, что от этих самых камер толку мало. Иначе полковник еще с порога похвастался бы успехами официального следствия.

Я поблагодарила полковника и отправилась на поиски капитана Белоярова.

Долго искать мне, впрочем, не пришлось, как Киря и обещал, тот действительно ждал меня в своем кабинете. С Белояровым, энергичным и напористым молодым человеком лет тридцати пяти, мне уже приходилось пересекаться по своим предыдущим делам. Мне импонировала его манера работать активно, но при этом без излишней спешки и суеты.

– Рад вас видеть, Татьяна Александровна, – приветствовал он меня со сдержанной улыбкой. – Значит, вы подключились к параллельному расследованию?

– Опасаетесь конкуренции? – улыбнулась я в ответ.

– Что вы! – усмехнулся капитан, хотя улыбка вышла невеселой. – Скорее уж рассчитываю на взаимовыгодное сотрудничество.

Какое совпадение, ведь и я именно на него и рассчитывала.

– Что ж, – со вздохом проговорил капитан, проделывая какие-то манипуляции с компьютером и разворачивая монитор так, чтобы мне удобно было смотреть, – как я понял, вы хотите ознакомиться с записями с видеокамер. Знакомиться особенно не с чем... Но все же посмотрите.

Я добросовестно всматривалась в экран, но, как и прежде, Белояров, особого удовольствия мне это не доставило.

Перемещения жильцов (или гостей) экстримом не баловали. В основном выходили погулять бабушки с внуками, вот в подъезд вошла молодая женщина с коляской, а минут через пять после нее вышла молодящаяся дама с болонкой на поводке.

– Внук погибшей, – капитан кивнул на монитор, и я увидела Сашу Солодовникова, спокойно заходившего в подъезд, еще не подозревавшего, что его ждет...

Белояров нажал на перемотку, затем вернул воспроизведение, и вот появился Олег Солодовников. В отличие от сына, он бегом промчался в подъезд.

Капитан остановил запись.

– Вот, собственно, и все, – констатировал он без особого энтузиазма. – Время перемещения соответствует их собственным показаниям. Никаких разночтений не выявлено.

Я задумчиво кивнула и задала вопрос, который попросту не могла не задать:

– Скажите, а что вы думаете по поводу внука? Я имею в

виду Александра Солодовникова.

Капитан мгновенно уловил, к чему я клоню, и отрицательно покачал головой.

– К тому моменту, когда внук заходил в подъезд, Солодовникова была мертва уже более часа. Это установлено нашими экспертами.

– А эксперты не могут ошибаться?

– Обижаете, Татьяна Александровна! – Белояров и впрямь выглядел обиженным.

– Но ведь вы наверняка рассматривали эту версию одной из первых, – продолжала я примирительным тоном, дабы успокоить капитана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.